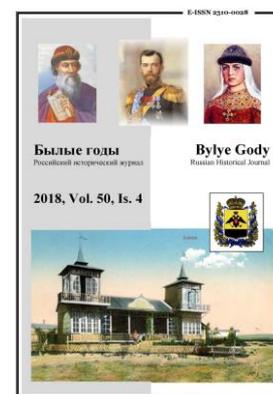

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1538-1551. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1538
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

A Reflection of the Process of Learning of Russian Liberalism of the Sixteenth Century in Contemporary Researches (Analytical Review of the Historiography of Russian Liberalism)

Rafael A. Arslanov ^{a, *}, Elena V. Linkova ^a, Evgeny A. Solovyev ^a

^a Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russian Federation

Abstract

The analytical review examines the modern Russian literature and is devoted to the history of Russian liberalism of the 1840s–1880s and to its theorist Konstantin Dmitrievich Kavelin. The article is dedicated to the 200th anniversary of the thinker and covers such problems of historiography as the genesis and typology of Russian liberalism, its division and features of the main trends. The authors reveal the dynamics of the historiographical process development, specifically dwells on the debatable problems, different interpretations of which led to the formation of separate historiographical directions. Attention is drawn to the relevance of the topic associated, on the one hand, with the use of modern methodological approaches to the study of liberalism, and on the other, with reflections on its prospects in Russia of the XXI century, the acuteness and relevance of some theoretical provisions of the program of liberals of the past.

It is emphasized that the study of the views and personality of K.D. Kavelin (1818–1885) gives new opportunities for understanding the history of Russian liberalism as a whole. The review analyzes and classifies the main modern interpretations of the theoretical heritage and activities of the liberal, reveals the contribution of individual scientists in the coverage of his multifaceted work, in the definition of the role in the social movement of the country. The results of the research are summed up, the prospects for further development of the topic are outlined.

Keywords: K.D. Kavelin, liberalism, historiography, Westernism, modernization, national educational liberalism, reform.

1. Введение

Данный аналитический обзор приурочен к 200-летию Константина Дмитриевича Кавелина [4(16) ноября 1818 – 3(15) мая 1885] – крупнейшего теоретика русского либерализма, деятельного участника подготовки Великой реформы 1861 г., одного из основоположников государственной школы в исторической науке. К ключевым историческим заслугам К.Д. Кавелина следует отнести, с одной стороны, создание учения, ставшего основой национальной версии либеральной теории, попытки ее реализации, положившие начало практике либерализма в России.

Анализ историографической литературы дает возможность не только подвести итоги процесса изучения русского либерализма XIX в., выявить дискуссионные проблемы и наметить контуры перспективных изысканий, но и осветить отношение современного общества к либеральной идее.

Рассмотрение историографического дискурса позволяет прежде всего установить различия в интерпретации типологии русского либерализма, генезиса и этапов развития, в определении времени размежевания и содержания основных течений. Авторы ставят задачу реконструировать и проанализировать процесс обогащения историографического знания, определить направления и трактовки проблемы генезиса и эволюции либеральной мысли, выявить современные методологии, позволяющие адекватно осмыслить феномен либерализма в России.

* Corresponding author

E-mail addresses: ars_raf@mail.ru (R.A. Arslanov), e.v.linkova@yandex.ru (E.V. Linkova), soloviev_evgeny@mail.ru (E.A. Solovyev)

Значение темы определяется как актуальностью проблемы, так и необходимостью переосмысления теоретического наследия либералов, выявления и анализа тех компонентов их учения, которые актуальны и в наши дни. Так, созвучной исканиям современного общества стала сформулированная основоположниками национальной версии либерализма К.Д. Кавелиным и Б.Н. Чичериным идея необходимости сочетания в условиях России свободы личности с сильной государственной властью. Их проект утверждения либеральных ценностей в стране в результате взаимных усилий власти и общества сохраняет, как представляется, свою актуальность, отвечает возможностям и потребностям современной России.

2. Обсуждение

Анализ работ, специально исследующих историографию либерализма XIX в., является довольно сложной задачей, предполагающей выявление его отражения в статьях, отдельных разделах монографий, рецензиях и пр.

Концептуальное значение для понимания сути историографического процесса и основных тенденций изучения как либерализма в целом, так и деятельности его ведущих представителей, имеют труды признанного специалиста по истории общественной мысли дореволюционной России В.В. Шелохаева (Шелохаев, 1998; Шелохаев, 2007; Шелохаев, 2013).

В статье, написанной двадцать лет назад, но сохранившей свою концептуальную значимость, исследователь обратился прежде всего к вызывающей и сегодня споры проблеме типологии либерализма. Опираясь на разработки отечественных философов, ученый выдвинул продуктивную идею о существовании «инвариантного ядра» либерализма, включающего ценность свободы личности и позволяющего обнаружить в меняющихся во времени и национальных пространствах формах либеральную константу. Применение тех или иных научных критериев, утверждает Шелохаев, дает возможность исследователям выделить «...следующие типы либерализма: классический, постклассический, неолиберализм, либертанство, социал-либерализм, национал-либерализм и т.д.» (Шелохаев, 1998: 30).

Особое внимание историк обратил на освещение в научной литературе проблемы генезиса, характера и особенностей русского либерализма. Ему удалось выявить и сравнить позиции исследователей, противостоящих друг другу в оценке как сущности, так и времени появления либерализма в России. Одни (В.В. Леонтович, И.Ф. Худушина, А.В. Соболев, Г. Рормозер) видели в нем лишь «западный «трансплантат», который якобы, с одной стороны, не имеет каких-либо традиций в интеллектуальном поле русской общественной мысли, а с другой – попал в чуждую ему социальную среду» (Шелохаев, 1998: 31). Другие, например, Л.И. Новикова и И.Н. Сиземская, чье мнение разделяет и сам Шелохаев, находили национальные корни русского либерализма, считая его «...одной из интеллектуальных традиций русской общественной мысли» (Новикова, Сиземская, 1993: 68).

Опираясь на теорию «инвариантного ядра», историк специально остановился на поиске современными авторами тех черт русского либерализма, которые, не отрицая сущности учения, дополняли и адаптировали его к условиям страны с самодержавно-крепостническим режимом, находящейся на стадии догоняющего развития. Обобщая различные историографические мнения, Шелохаев приходит к выводу, что «...исторические особенности развития России обусловили и формирование особого типа русского либерализма, занявшего собственное место в «общей семье либерализма» и обогатившего ее новыми идеями и новым видением проблем современности» (Шелохаев, 1998: 31).

Представляется, что историографические экскурсы автор зачастую использует для проведения собственного анализа, создающего основу для оригинальных суждений и выводов. Так, обобщая различные мнения об особенностях русского либерализма и тех препятствиях, которые стояли на пути его развития (авторитарная система власти, несформированность среднего сословия, экономическая отсталость России, несоответствие между передовой либеральной теорией и отсталым социумом, не готовым к ее восприятию и пр.). Шелохаев отметил принципиальное различие «двух либерализмов», заключающееся в том, что «если на Западе формирование либеральной доктрины и политики в общем и целом совпадало с процессами раскрепощения индивида, то в России появление либеральных идей предшествовало и значительно опережало освобождение от крепостничества» (Шелохаев, 1998: 34).

Вместе с тем, пользуясь примером самого автора, хотелось бы дополнить, может быть, самую важную черту русского либерализма XIX в., обрекавшую его на долгие годы безысходности и абстрактного теоретизирования: стремление дать свободу личности при так и не сложившемся в массах даже в условиях пореформенной модернизации самого «начала личности». Именно эта проблема либерализма станет для одного из ведущих его теоретиков – Кавелина – наиболее острой, а попытки ее решения во многом и определят специфику его теории (Арсланов, 2000).

Шелохаев рассмотрел и сложившиеся в историографии варианты типологизации русского либерализма, где наряду с традиционным подходом – «старый (дворянский), земский, новый (интеллигентский), буржуазный и т.п.» – существуют и другие, например, подразделяющие его на «классический, постклассический, правительственный, соборный и даже самодержавный» (Шелохаев, 1998: 36). Показав необоснованность последних, несколько экзотических определений и

проанализировав историографический и исторический материал, Шелохаев вполне обоснованно отметил неразработанность системы критериев для определения типов, да и этапов развития русского либерализма и, можно добавить, дискуссионность самой проблемы, что и порождает разнообразие мнений, сохраняет актуальность осмысления сущности и особенностей русского либерализма. Особого внимания заслуживает его идея о внеклассовом характере русского либерализма, ставшего результатом творческих усилий нескольких поколений интеллектуальной элиты, что не могло не наложить отпечаток на его характер.

Шелохаев обобщил и результаты дискуссии по вопросам периодизации дореволюционного либерализма. Вслед за рядом исследователей (В.В. Леонтович, Л.И. Новикова и И.Н. Сиземская, А.И. Нарезный) он определил три этапа в его развитии, отнеся время появления к эпохе просвещенного абсолютизма XVIII в. Переход ко второму классическому этапу исследователи этой группы связывают с деятельностью К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина в середине XIX в. В 90-х гг. XIX в. ему на смену приходит новый либерализм.

Таким образом, Шелохаев подтвердил устоявшееся в историографии мнение о заметном вкладе ряда мыслителей середины XIX в., в том числе и Кавелина, в разработку теории русского либерализма, положившем начало его второму этапу развития. Кроме того, он подчеркнул, что особенности зарождения определили специфику теории русского либерализма, нацеленную на создание адекватной для ее восприятия социальной среды, и прежде всего свободной личности. Анализ творческого наследия Кавелина подтверждает общие выводы историка, свидетельствуя о том, что одна из главных особенностей русского либерализма заключалась в стремлении вычленив индивидуальность из сословного и государственного пресса, т.е. создать личность, являющуюся социокультурной основой для распространения либеральной идеи свободы.

В 2007 г. Шелохаев в своей новой статье вернулся к историографии русского либерализма, проанализировав те изменения, которые произошли в его изучении. Он отметил значительное расширение «проблемного поля» истории либерализма, разработку оригинальных сюжетов, использование новейших концепций и методик, а также возрастание интереса к теме, проявившееся, например, в реализации ряда научных проектов, включая издание энциклопедий и документов, увеличении количества диссертаций, подготовленных представителями различных обществоведческих специальностей (Шелохаев, 2007: 4). Во многом этому подъему способствовало обращение к истории либерализма новой плеяды исследователей – Н.В. Михайловой, И.В. Сибирякова, А.И. Нарезного, А.И. Деникина, Н.В. Мамитовой, Д.В. Аронова, Д.В. Тимофеева и др. Здесь уместно отметить и вклад в его изучение без времени ушедшего С.С. Секиринского, обратившегося к социокультурным аспектам проблемы, поставившего во главу угла саму проблему личности, продуцировавшей либеральные идеи и отличавшейся поведением, направленным на постепенное преобразование среды в соответствующем ее взглядам направлении (Секиринский, 1999).

Тем самым Шелохаев на фактах опроверг бытующее в экспертной среде мнение не только о политической, но и научной маргинализации либерализма в России начала XXI в.

В целом в своих работах Шелохаев подвел итоги изучения либерализма в России, наметил направления дальнейшего научного поиска, специально остановившись на спорных и нерешенных вопросах.

Ряд выдвинутых им положений, например, об особенностях русского либерализма, проявившихся в несформированности его классического, западноевропейского типа, одновременном сочетании интеллигентской, политической, демократической и социальной стадий на интеллигентском этапе развития, использовались в дальнейших изысканиях. С другой стороны, суждения о генезисе отечественного либерализма, периодизации его истории, степени утопичности теоретических построений, особенно либералов эпохи великих реформ, вызывают дискуссии и даже несогласие, что требует продолжения исследований с привлечением новых методологий и зарубежного опыта.

Один из конкретных примеров решения проблем периодизации и типологизации русского либерализма мы находим в докторской диссертации А.И. Нарезного, подвергнувшего комплексному исследованию проекты государственного переустройства либералов. Призывая анализировать концепции либералов в контексте места и времени их развития, автор указывает на «...необходимость постоянного учета высокой степени изменчивости, приспособляемости либерализма к меняющейся обстановке» (Нарезный, 1991: 31).

В качестве исходной точки истории либерализма автор вслед за В.В. Леонтовичем и рядом других исследователей предлагает выбрать последнюю четверть XVIII в. В рамках сложившегося в историографии направления он определяет границы первого этапа серединой XIX в., когда «проделав путь от некритического заимствования европейских идей до формирования представлений о либерализме как направлении модернизации страны, в ходе дискуссии западников и славянофилов складываются основы либеральной концепции, адаптированной к особенностям русской исторической традиции» (Нарезный, 1991: 32). Второй же период, согласно авторской трактовке, охватывает пореформенное время до конца 1870-х гг.

С конца 1870-х гг. с утратой либералами надежд на самодержавие как единственной силы, способной к реформированию страны, начинается, по мнению Нарезного, третий этап развития

либерализма. Таким образом, основным критерием периодизации историк выбрал отношение либералов к самодержавию. Принимая доводы исследователя, хотелось бы отметить некоторую односторонность авторского подхода, который не охватывает такие стороны развития либерализма, как его практическая деятельность, изменение социального состава, идейная эволюция и, в целом, усложнение самого движения, появление новых течений, в том числе и радикализирующегося политического при сохранении умеренного, интеллектуального, продолжающего искать пути сотрудничества с самодержавием.

Определенный резонанс у либераловедов вызвала работа С.А. Репинецкого ([Репинецкий, 2010](#)). В историографическом разделе своей монографии автор рассмотрел различные этапы изучения «формирования идеологии российского либерализма» в предреформенный период. Прежде всего, обращает на себя внимание сама постановка проблемы, вызывающая необходимость обратиться к содержанию таких понятий, как идеология и общественная мысль. Одним из первых на необходимость их различения обратил внимание Шелохаев, концептуально рассмотревший историографические и методологические проблемы общественной мысли России и предложивший свое определение ([Шелохаев, 2011: 35](#)).

Из контекста рассуждений эксперта следует, что во всяком случае до конца XIX в. российский либерализм «...представлял собой одно из течений русской общественной мысли» ([Шелохаев, 1998: 30](#)). Лишь в начале XX в. он сформировался в «ценностную систему», обрел, хотя и незначительную, социальную поддержку и партийную организацию, «созрев» тем самым до уровня идеологии. Репинецкий же трактует идеологию расширительно как «картину мира» ([Репинецкий, 2010: 18](#)). И все же представляется, что применительно к либерализму середины XIX в. проблема дефиниции остается открытой, а ее решение требует дальнейших изысканий. Сам автор, справедливо подчеркнув отсутствие общепринятого мнения о времени становления либерализма «как идеологии общественной группы», наряду с некоторыми историками, например К.И. Шнейдером, утверждает, что этот процесс протекал с 1856 по 1860 гг. ([Репинецкий, 2010: 5](#)).

В истории изучения либерализма Репинецкий традиционно выделяет три этапа, подчеркивая при этом вклад в разработку темы исследователей не только дореволюционного, но и советского времени. Так, он отмечает новаторскую для своего времени диссертацию В.Н. Розенталь ([Розенталь, 1963](#)), в которой, хотя и «с ортодоксальных марксистско-ленинских позиций», впервые была рассмотрена тема становления либерализма в предреформенный период ([Репинецкий, 2010: 27–28](#)).

Среди других автор особенно выделяет работы В.А. Китаева ([Китаев, 1972](#); [Китаев, 1996](#)), концепция которого, по его мнению, стала «...переходной от советской к современной исторической науке». При этом Репинецкий отмечает такие ее стороны, как историчность, проявившуюся в демонстрации либерализма «явлением изменчивым, в постоянном развитии», а также диалектичность: «либеральный лагерь» и его персоналии оказались сотканными из противоречий, которые старались разрешить на протяжении своей деятельности» ([Репинецкий, 2010: 32](#)). Вместе с тем автор останавливается и на противоречиях самого историка, в выводах которого классовый подход, по его мнению, сочетался с характеристиками представителей либерализма с позиций их взглядов и их самоопределения, а не «объективно классовой сущности» или «характеристик прогрессивных деятелей, как это обычно делалось в советской историографии» ([Репинецкий, 2010: 33–34](#)).

С начала 1990-х гг. утверждается новый взгляд на русский либерализм, отмеченный не только преодолением узких рамок классового подхода, но и использованием современных научных концепций, плюрализмом мнений и оценок. Одно из достижений новейшей историографии Репинецкий увидел в том, что «...либерализм начал рассматриваться не через призму взглядов и оценок деятелей революционной демократии, а с учетом самооценки и саморефлексии либералов» ([Репинецкий, 2010: 36](#)), т.е. из объекта субъективной интерпретации он превратился в предмет исследования.

Преодоление устоявшихся стереотипов, в том числе и о едином либеральном лагере, позволило современным исследователям, по мнению автора, предложить свое видение его дифференциации, происходившей уже в середине XIX в. Репинецкий констатировал и сложившуюся среди части гуманитариев точку зрения об отсутствии «единой философии русского либерализма» ([Репинецкий, 2010: 37](#)). Правда, не совсем понятно, почему отсутствие единодушия в историографии воспринимается ими, как утверждает автор, в пессимистических тонах.

Не согласен исследователь и с исключением философом В.Ф. Пустарнаковым одного из основоположников русского либерализма – Б.Н. Чичерина – из «круга либералов» ([Пустарнаков, 2002: 89–90](#)). Автор убедительно доказывает, что, несмотря на выдвижение Чичериным в начале 1860-х гг. концепции «охранительного либерализма», он на всем протяжении своего творчества отстаивал либеральные принципы, а при оценке его взглядов, которые менялись во времени, не следует ограничиваться работами какого-то одного периода ([Репинецкий, 2010: 37–38](#)).

Репинецкий выделяет три основных современных подхода к изучению либерализма, связывая их с именами таких исследователей, как В.А. Китаев, С.С. Секиринский и В.В. Леонтович. Согласно его мнению, для Китаева либерализм прежде всего общественное течение, «выраженное концепциями своих виднейших представителей», иными словами, течение общественной мысли

(Китаев, 2004). Секиринский же воспринимает его как систему, эволюционирующую «от программы самодержавия к программе общества» (Секиринский, 1999: 32).

Попытку классификации современной историографии либерализма, предпринятую Репинецким, можно только приветствовать. Вместе с тем она вызывает ряд сомнений и вопросов. Прежде всего автор сводит позиции трех исследователей, выбранные им в качестве маркеров и даже, по его словам, иллюстраций к «различным трактовкам понятия "либерализм" (для Китаева – это общественное течение, для Секиринского – программа, для Леонтовича – государственная политика и идеология)», к отдельным суждениям и оценкам, тем самым упрощая, а следовательно, и искажая их концепции. Так, едва ли правомерно ограничиваться при анализе взглядов Китаева выдержками из его работы советского времени (Китаев, 1972), в которой была показана эволюция взглядов виднейших представителей либерализма (Кавелина и Чичерина) «от оппозиционности в молодости... до соглашательства с правительством в зрелости и преклонном возрасте» (Репинецкий, 2010: 38).

Для Секиринского же либерализм представлял собой не столько «программу общества», сколько систему его ценностей и практик. В одной из статей он призывал изучать «социокультурный субстрат», на котором выростала общественная мысль пореформенной России (Секиринский, 2011: 102). Важным историк считал и учитывать природу самого человека, «не укладывающуюся в прокрустово ложе различных направлений и схем». По его мнению, в любом общественном течении можно было обнаружить своих «умеренных» и «крайних», которые различались «...не столько содержанием декларируемых убеждений, сколько *темпераментом, характером, ментальным складом* (курсив С.С.)» (Секиринский, 2011: 106).

Таким образом, взгляд Секиринского на либерализм кажется более объемным и глубоким, чем представленный Репинецким в историографическом обзоре.

Работа же Леонтовича, хотя и стала частью современной историографии, вызывая споры и критические оценки, но с формальной точки зрения она относится к другой эпохе: написана в эмиграции и издана на немецком языке в 1957 г., на русский язык переведена и впервые опубликована издательством Имка-пресс в 1980 г.

Вызывает интерес и авторское восприятие тех работ историков, в которых, по мнению Репинецкого, прослеживается переосмысление взглядов и деятельности ведущих теоретиков либерального движения – Кавелина и Чичерина (Искра, 1996; Арсланов, 2000; Кочукова, 2001). При этом, отмечая объективность и осторожность суждений ряда современных исследователей, автор специально остановился на позиции А.Н. Медушевского (Медушевский, 2005: 103–168; об особой роли Кавелина см. стр. 105–109).

Отдавая должное исследователю, много сделавшему для изучения российского либерализма, новаторски освещающему его «становление во всемирно-историческом контексте» и использующему сравнительно-исторический метод, Репинецкий все же полагает, что его оценки роли Кавелина в подготовке крестьянской реформы отличаются апологетичностью. По его словам, Медушевский, рассматривая вторую половину 1850-х гг. «сквозь призму творчества Кавелина», придавал ему «...гипертрофированное, определяющее значение для развития реформаторского процесса начала царствования Александра II» (Репинецкий, 2010: 41).

В обзоре был отмечен также вклад в изучение русского либерализма таких ученых, как Д.И. Олейников, М.Д. Долбилов, В.Я. Гросул, Р.Г. Эймонтова, М.В. Калашников и др. (Олейников, 1996; Долбилов, 1996; Гросул, 2003; Эймонтова, 1998; Калашников, 2001).

Кроме того, в историографическом разделе и в специальной статье автор остановился и на зарубежной историографии темы (Репинецкий, 2010: 45–46; Репинецкий, 2011).

Пермский историк К.И. Шнейдер в ряде статей, а также в вводной и историографической частях монографии представил не только свое видение процесса изучения либерализма, но и оригинальную гипотезу его зарождения (Шнейдер, 2012; Шнейдер, 2010; Шнейдер, 2016). При этом весьма противоречиво он изложил саму динамику разработки темы. По мнению Шнейдера, «увлечение либерализмом» в 1990-х гг. «обрекало исследователя на экспертные и околонучные трудности в силу явной политизированности самой проблемы, что затормозило развитие отечественного «либераловедения»» (Шнейдер, 2012: 5). В своей же ранее опубликованной историографической статье автор утверждал обратное, называя этот период «либеральной волной» в российской историографии и отмечая «появление большого количества публикаций, посвященных либеральной традиции и новых вариантов ее интерпретации» (Шнейдер, 2010: 178–179). На данное и ряд других несоответствий обратил внимание в своей рецензии на монографию Шелухаев, заметивший, например, что «даже далеко не полный перечень вышедших в этот период работ, приведенный в книге самого К.И. Шнейдера, самым категорическим образом противоречит... авторскому утверждению» (Шелухаев, 2013: 8–9).

Продуктивной, но далеко не бесспорной стала выдвинутая Шнейдером гипотеза о генезисе и характере русского либерализма. Мысли исследователя об его окончательном становлении «...в первые годы царствования Александра II», происходящем благодаря теоретическим изысканиям К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина, которые сумели создать «национальную версию либерализма», адаптировав либеральные идеи к национальной почве и соединив их «...с авторитетом просвещенного самодержавного режима» (Шнейдер, 2012: 6), вызвали неоднозначную реакцию

экспертного сообщества. Принимая во внимание суждение автора о складывании национальной модели либерализма в России как его начале, эксперты подвергли сомнению идею, что именно «просвещенный абсолютизм» мог быть «интеллектуальной средой формирования раннего русского либерализма» (Шнейдер, 2012: 9). Так, по мнению Шелохаева, в условиях отсутствия адекватной для восприятия либеральных идей среды, ее «носители... вынуждены были ориентироваться на верховную власть, в единоличных руках которой были сосредоточены все властные рычаги управления...» (Шелохаев, 2012: 15).

Шнейдер же обнаружил в этом, во многом обусловленном исторической ситуацией либерально-консервативном синтезе «точку отсчета» русского либерализма. Представляется, что на самом деле его становление стало результатом взаимодействия целого ряда факторов: сложного переплетения теоретических исканий либералов, в том числе их исторических взглядов, нашедших концентрированное выражение в постулатах государственной школы, складывания социальной формы проявления либеральных интенций – кружков западников – и формирования личности либерального типа – «людей сороковых годов». Подкрепленные дворянской традицией служения государству, приобретшей форму ментальной установки, либеральные настроения стали проникать в бюрократические круги, следствием чего стало образование содружества просвещенной части чиновничества и интеллектуалов, сыгравшего решающую роль в подготовке реформы (Захарова, 1989; Захарова, 1999).

Позднее в условиях эмоционального потрясения образованной части общества, вызванного крымской катастрофой, и ожидания перемен, связанных с началом правления императора Александра II, либеральный проект не только полностью сложился, но и получил определенное распространение. Он предполагал внедрение в правящую элиту мысли, что обеспечение национальных интересов страны зависит от взаимных усилий государства и просвещенного общества и заключается прежде всего в освобождении крестьян.

С другой стороны, в советской историографии именно эта ставка либералов на самодержавие использовалась как доказательство их реакционности, измены самой либеральной идее. Пермский историк в своей работе подтвердил сложившийся в современной историографии вывод, что созданная усилиями Кавелина и Чичерина национальная модель либерализма, ядром которой стал синтез идей свободы личности и сильной государственности, может быть, и противоречил классической либеральной доктрине, но соответствовал историческим условиям и преобразовательному потенциалу страны.

Шнейдер, рассмотрев существующие в историографии определения характера русского либерализма эпохи реформ и подвергнув сомнению существующие дефиниции (дворянский, старый, западнический), предложил нейтральную формулировку – ранний либерализм. Данное определение, по его мнению, точнее всего отражает становление именно национальной версии либерализма (вторая половина 1850-х – первая половина 1860-х гг.), когда он «приобрел все признаки законченной теоретической программы» (Шнейдер, 2012: 11).

Принимая с оговорками аргументацию Шнейдера, хотелось бы уточнить, что существующие дефиниции отражали определенные черты либерализма в России. Даже если отбросить классовый подход, то дворянским его можно было бы называть в силу того, что черты дворянской культуры и ментальности проявлялись как в теоретических построениях либералов того времени, например в идее достоинства и свободы личности, отношении к государству, так и в повседневной практике.

При этом Шнейдер посчитал одну из существующих дефиниций либерализма того времени – «старый», встречающуюся в работах Шелохаева, «туманной». По его мнению, использование определений «старый» и «новый» «...не представляется плодотворным, так как в ситуации многообразных исследовательских версий происхождения отечественного либерализма остается загадкой, что собственно понимать под вывеской «старый либерализм». В этой связи хотелось бы предложить "проверенный" временем и западным академическим сообществом термин "ранний либерализм"» (Шнейдер, 2012: 28–29).

Наиболее серьезное возражение экспертов вызвало стремление Шнейдера полностью вывести национальную форму русского либерализма за рамки классического дискурса, его утверждение, что «канонический образ инвариантной основы либерализма в действительности распадается на разнообразные версии, наполненные национальной спецификой» (Шнейдер, 2012: 12–13). Во-первых, можно оспорить «набор» этих особенностей. Представляется, что в построениях далеко не всех «отцов-основателей» прослеживается, например, элитизм и неприятие демократии, о чем подробнее будет сказано ниже. Во-вторых, при всех особенностях раннего либерализма и различий его течений неизменной оставалась его концептуальная основа. Как вполне обоснованно заметил в своей рецензии Шелохаев, «суть проблемы как раз состоит в том, что «инвариантное ядро»... является величиной константной, однако вырастающие на этой основе «побеги» национальных вариаций либерализмов могут быть иные. Причем эти различия... можно скорее объяснить различной стадийностью развития стран, чем какими-то непреодолимыми национальными особенностями» (Шелохаев, 2013: 16).

Учитывая мнение Шнейдера о том, что как общественное течение либерализм сформировался в России лишь тогда, когда стал облекать в национальную форму «инвариантное ядро», создавая свою

национальную модель, хотелось бы скорректировать предложенное автором время. Представляется, что формирование либерализма начинается не с середины 1850-х гг., как утверждает Шнейдер, а чуть ранее, с конца 1840-х гг., когда происходило соединение трех необходимых для существования большой идеологии компонентов. Прежде всего это разработка соответствующей условиям России теоретической концепции либерализма, осуществленной Кавелиным в статье «Взгляд на юридический быт древней России» (1847 г.). Она стала манифестом не столько западничества, сколько русского либерализма, проводя связь между идеей личности и историческими условиями России с той ролью, которое играло государство в ее развитии. Следует заметить, что эту точку зрения разделяют некоторые современные исследователи (Нарежный, 1999: 35). Главное же заключалось в том, что выдвинутые Кавелиным идеи начинают воздействовать на часть правящей элиты, ставить перед ней задачу необходимости проведения реформ.

Одну из особенностей русского либерализма эпохи его становления Шнейдер увидел в «...наличии как минимум двух течений, конкурировавших между собой за право выражать национальную либеральную аутентичность, – «народнического» Кавелина и «охранительного» Чичерина». При этом приоритет в разработке либерального проекта историк отдает Чичерину, полагая, что именно на основе «охранительной версии» он «окончательно сложился в середине 1860-х гг., приобрел все необходимые характеристики полноценной национальной программы» (Шнейдер, 2012: 48).

Нисколько не умаляя заслуг Чичерина, хотелось бы напомнить, что основы «государственной школы», в которой нашла свое теоретическое и историческое обоснование мысль о решающей роли государства в обеспечении прогресса общества и развития личности в России, были разработаны Кавелиным в конце 1840-х гг. Кстати, сам Чичерин «основоположниками новой русской историографии» считал Кавелина и С.М. Соловьева. Следует заметить, что в это время, т.е. в 1845–1849 гг., он был студентом юридического факультета Московского университета, слушал лекции Кавелина, отмечая то огромное воздействие, которое оказывали на аудиторию и его курс, и его личность (Русское общество, 1991: 33–34, 42).

Вполне обоснованно Шнейдер опровергает устаревшую концепцию единого либерального лагеря предреформенный поры и говорит о его размежевании на течения, связанные в его трактовке с личностями Кавелина и Чичерина. При этом их противостояние историк объясняет различиями как в понимании прошлого России, так и в отношении к европейским странам. В итоге исследователь приходит к выводу, что именно охранительный либерализм Чичерина «стал самой удачной в истории отечественной мысли XIX столетия попыткой создать национальную версию европеизации России в целом посредством реформ «сверху» через плодотворную, законотворческую деятельность самодержавной власти» (Шнейдер, 2012: 63, 64, 93). Более того, именно концепция «охранительного либерализма» сделала Чичерина, утверждает историк, «...лидером в отечественном либеральном сегменте поля производства идей, что позволило ему в отсутствие реальной конкуренции со стороны других мыслителей претендовать на трактовку ценностей либерализма в национальном экспертном сообществе» (Шнейдер, 2012: 134). В приведенных суждениях бросается в глаза отрыв от российских реалий середины XIX столетия, перенос на общественную жизнь того времени понятий и оценок интеллектуальной элиты наших дней.

К тому же историк не затрагивает проблему степени утопичности чичеринского проекта, слишком зависящего от власти, ее способности к самореформированию. Доводя время разработки проекта до середины 1860-х гг., Шнейдер не прослеживает не только динамику его последующего развития, но и процесс внедрения в «либеральное поле», не выявляет каналы и результаты его влияния на общественное движение страны. В целом же, как представляется, «чичеринский проект» остался талантливым, но изолированным интеллектуальным продуктом.

Для выявления значимости концепта Чичерина его стоило бы сравнить с кавелинским, предлагавшим не только проводить реформы сверху, но и утверждать либеральные ценности снизу, в результате действий общества, происходящих с учетом национальных особенностей, способностей и возможностей народа.

Весомым доказательством того, что именно проект Кавелина, чуждый, несмотря на предположение Шнейдера, принципу элитарности, пронизанный идеями демократии в форме «мужицкого царства», социальной защиты народа и ненасильственного развития, а не охранительная версия Чичерина, стал доминирующим в либеральном дискурсе, служит то, что он получил признание и развитие в программе одного из влиятельнейших органов либерализма, журнале «Вестник Европы» (Китаев, 2008). Да и новый либерализм начала XX в. по своим интенциям и идейному содержанию был ближе, как представляется, учению Кавелина.

Наряду с идейными разногласиями к одному из факторов размежевания раннего русского либерализма Шнейдер отнес личное соперничество ведущих теоретиков. Более того, личностные мотивы, по его мнению, доминировали над концептуальными, являясь подлинной пружиной спора, а затем и разрыва отношений между Кавелиным и Чичериным. Историк даже допустил, что решающую роль в размежевании сыграло ревностное отношение первого «...к успехам Чичерина в интеллектуальном состязании за экспертный авторитет» (Шнейдер, 2012: 138).

В итоге, используя современную теорию социального поля П. Бурдьё, исследователь попытался представить процесс идеологической дифференциации раннего либерализма, прежде всего, как стремление его идейных вождей «удовлетворить личные амбиции в борьбе за символическое первенство в либеральной среде», как «конкуренцию основных персонажей за символический капитал лидерства в либеральном сообществе» (Шнейдер, 2012: 15, 65).

Можно только приветствовать использование современных подходов, взятых притом из смежных гуманитарных дисциплин к освещению истории общественного движения в России. Но все же, представляется, что их прямолинейное применение без достаточной фактологической аргументации, без учета контекста эпохи и протекавших событий может привести к умозрительным, необоснованным выводам.

Например, первые серьезные разногласия между двумя мыслителями возникли после публикации в «Колоколе» (1858) знаменитого «Обвинительного акта» Чичерина с разоблачением «необузданного» радикализма А.И. Герцена. И вызывались они не столько личным соперничеством, сколько различием взглядов на значение деятельности эмигранта, а главное, расхождением в понимании требований времени, в восприятии некоторых норм дворянской этики.

Кавелин считал, что «Обвинительный акт» может быть использован реакционными кругами как аргумент, направленный против реформ. Кроме того, для Кавелина критика его друга, эмигранта, гонимого властями, представляла собой акт, противоречащий принципам дворянской чести. Никакой зависти и борьбы за лидерство в этом не прослеживается (Арсланов, 2012). Таким образом, именно осмысление социокультурного контекста эпохи дает ключ к объяснению возникшей вражды между двумя бывшими соратниками и друзьями.

Вместе с тем разработанная Шнейдером концепция раннего русского либерализма представляет бесспорную научную значимость, свидетельствует о масштабности и актуальности самой темы.

Важным аспектом в монографии Шнейдера стало обращение к опыту зарубежной историографии, выявление существующих там различных точек зрения на проблемы генезиса и эволюции русского либерализма. Проведенный анализ, с одной стороны, способствует приращению исторического знания, а с другой – отражает всю сложность и неоднозначность историографического процесса.

Определенный резонанс у экспертного сообщества вызвало издание в книжной серии «Русский путь», известной по своему сквозному подзаголовку «pro et contra», очередного тома, включившего в себя работы «сторонников и противников» либерализма (Либерализм: pro et contra, 2016). Одним из первых на публикацию откликнулся известный исследователь общественной мысли России XIX в. В.А. Китаев, представивший в рецензии свое видение и самой антологии, и принципиальных проблем истории либерализма (Китаев, 2017).

Первый опыт подобного рода осмысления либеральной идеологии в России был предварен обширной по объему и концептуальной по содержанию вступительной статьей В.А. Гуторова «Российский либерализм как исторический и политический феномен: от утопии к реальности».

Сразу же хотелось бы подчеркнуть, что содержание статьи несколько не соответствует традиционно присущей подобному роду публикаций академической позиции «над схваткой», отсутствует в ней и заявленное в названии освещение либерализма как «исторического феномена». Вполне обоснованно рецензент обратил внимание на то, что в «...статье не найти даже схематического наброска истории либерализма в России», чему автор предпочел рассуждения «...о некоторых особенностях либерального дискурса» (Китаев, 2017: 169).

Основную отличительную черту либерализма в России Гуторов увидел в том, что он «...в XVIII–XX вв. развивался именно как ответная реакция на нападки со стороны более мощных консервативных, а в дальнейшем и социалистических конкурентов» (Гуторов, 2016: 45). Но это суждение лишает русский либерализм каких-либо внутренних интенций, а тем более социальных корней, превращая его в некую игру ума, забаву для части крепостнического дворянства. Именно лицемерие «просвещенных крепостников», прикрывающих словами о правах человека угнетение своих крестьян, и вызвало появление, по словам Гуторова, «...сверхмощного антилиберального интеллектуального поля», в котором «...стирались противоположности, противоречия, разногласия и оттенки практически всех направлений мысли – от славянофильства и западничества до ортодоксального монархизма и радикального социализма. ...Доминирующую роль на этом поле играла идея об антинародном характере либерализма, в рамках которой “народ” противопоставлялся “образованному обществу”, “интеллигенции” или “публике”» (Гуторов, 2016: 52–53). Широкие обобщения, предполагающие размашистые характеристики, зачастую несут в себе неточности и противоречия. Так и здесь Гуторов включил, например, в антилиберальную палитру западников, на самом деле стоявших у истоков либерального движения. Кстати, в комментариях антологии к «провозвестникам либерализма» был отнесен один из создателей московского кружка западников Т.Н. Грановский (Либерализм: pro et contra, 2017: 859).

В.А. Китаев с некоторым недоумением констатирует, что вступительная статья антологии, призванная по определению осуществлять научно-просветительскую функцию, на деле «...посвящена дискредитации русского либерализма» (Китаев, 2017: 172). И действительно, Гуторов не скрывает

своего критического отношения к идеям и истории русского либерализма, полностью солидаризуясь с его критиками.

Уже в начале своей статьи он возложил на либералов вину за подготовку двух российских катастроф XX в. – 1917 г. и начала 1990-х гг. По словам Гуторова, «либеральная революция, развернувшаяся в начале 1990-х гг. и вновь приведшая российское государство к экономической катастрофе, вслед за февралем 1917 г., осуществлялась под лозунгом целенаправленного развала “советской тоталитарной империи”, сразу оживив самые худшие подозрения и ассоциации относительно традиционного схематизма, инертности, теоретической бездарности и практического бессилия отечественных либеральных группировок» (Гуторов, 2016: 11). Философ, вопреки принципам историзма, объединил “либерализмы” разных эпох и направлений, невольно придав интеллектуальный вес современным либералам, отождествив их с великими предшественниками. Представляется, что внеисторические политизированные аналогии лишь препятствуют осмыслению феномена либерализма в России.

При этом Гуторов, подчеркивая утопический характер всех российских идеологий, особенно выделяет либерализм, который, «...неоднократно приближаясь к тому порогу, когда идея становится реальностью, ... снова и снова терпел позорное поражение от своих более удачливых идеологических и политических конкурентов...» (Гуторов, 2016: 9). Таким образом, либерализм во вступительной статье антологии предстает, скорее, не объектом рефлексии, а жалким «неудачником».

На тенденциозность ее автора не раз обращал внимание и Китаев. Он, например, отметил некритическое использование Гуторовым в целях дискредитации либерализма авторитетного мнения русского демократа Н.Г. Чернышевского, доказывавшего «...несовместимость либеральной политической философии с реальными народными потребностями и чаяниями в любой стране, достигшей хотя бы минимальной степени цивилизованного развития» (Гуторов, 2016: 63). Хотелось бы добавить, что, придав этому, во многом ситуативному суждению Чернышевского, очевидно нерелевантному исторической действительности, характер «универсальной формулы», Гуторов тем самым пытался обосновать отсутствие, по его словам, «реальных перспектив воплощения в жизнь либеральной программы реформ в современной России» (Гуторов, 2016: 114).

О перспективах либерализма в России ведутся дискуссии. Бесспорно то, что его укоренение возможно только во взаимодействии с воплощением в жизнь ценностей демократии и справедливости. Но категоричное утверждение Гуторова, суть которого сводится к тому, что свобода и права личности несовместимы с русской национальной традицией, едва ли вписывается в подлинно патриотический дискурс.

Китаев в своей выдержанной в академических тонах рецензии подчеркнул, что «враждебное отношение к либерализму у “главного конструктора тома” облачено, как правило, в одежды респектабельной философичности. Но в результатах работы составителей эта тенденция прорывается иногда в самом что ни на есть вульгарном облики». Под ним рецензент подразумевает обвинения составителями сборника либералов в связях с масонами, что, по его мнению, характеризует низкое качество собранного «компромата» (Китаев, 2017: 172). Здесь мы видим намек на то, что масонскую тему использовали для разоблачения оппозиции всех мастей крайние националисты и шовинисты.

Хотелось бы добавить, что ничем не скрываемая враждебность составителей сборника к либерализму определяется в отличие от советского времени не классовой, а националистической точкой зрения, во многом тождественной официальной идеологии дореволюционной России.

Одно из последних обращений к историографии проблемы генезиса и эволюции русского либерализма мы встречаем в обобщающей монографии В.Я. Гросула (Гросул, 2017). Наряду с Шелохаевым, он выявил три основные группы историков, по-разному датирующих время появления либерализма в России: началом XVIII в.; серединой XIX в. и концом XIX в. Наиболее обстоятельно автор представил позицию сторонников его раннего происхождения – Н.В. Михайловой, Д.В. Тимофеева, С.И. Глушковой. Так, весьма подробно он остановился на работах Н.В. Михайловой, увидевшей распространение «...либеральных ценностей в период правления Екатерины II и создание либеральной партии где-то на стыке XVIII – XIX вв.» (Гросул, 2017: 217–218). Без комментариев Гросул оставил весьма смелое утверждение Михайловой о том, что в результате мартовского переворота 1801 г. «впервые в русской истории к власти пришли либералы» (Михайлова, 1998: 91). Появление полярных взглядов на зарождение либерализма в России ученый связывает с существованием его различных видов – дворянского и буржуазного, что, по мнению Гросула, и объясняет складывание различных научных позиций (Гросул, 2017: 220). И все же, представляется, что такое, несколько компромиссное объяснение историографических разногласий, использующее к тому же социальный ракурс рассмотрения либерализма в России, ведет к одностороннему пониманию его особенностей и времени происхождения.

3. Заключение

Анализ современной историографии либерализма свидетельствует о продолжающемся процессе переосмысления феномена либерализма, превратившегося из объекта критики советского времени в предмет всестороннего анализа. Следует отметить расширение научного поля исследований, например обращение к проблеме национальной специфики русского либерализма,

выявление теоретической ценности и востребованности некоторых его постулатов, рассмотрение проблемы эволюции и размежевания либеральной мысли, постановка проблемы лидерства в либеральном движении середины XIX в. и т.д.

Новые ракурсы исследований потребовали и использование современных методологий. При этом тема либерализма оказалась благодатной для апробации в отечественной науке социокультурного и антропологического подходов, основных положений интеллектуальной истории, сравнительно-исторического метода, психологического измерения, теории социального поля и пр.

Важной представляется поставленная, но специально не изученная проблема синтеза, осуществляемого ведущими мыслителями русского либерализма, их стремление при сохранении «инвариантного ядра» дополнить национальную версию либерализма демократическими и социальными компонентами, что и давало возможность адекватно учесть возможности и потребности модернизирующегося общества. Важнейшей представляется задача исследования в дискурсе интеллектуальной истории влияния либеральных идей на политику государства, а также выявление отношения власти к представителям умеренной оппозиции.

Особого внимания заслуживает и проблема соотношения утопизма и реализма либеральной программы. Исторический парадокс состоит в том, что умеренность либералов в отечественных условиях начала XX в. превращала их рациональные идеи в утопию, а радикализм левых в условиях социальных катаклизмов находил поддержку у масс, что оборачивалось попытками реализации их утопических конструкций.

Анализ историографической ситуации позволяет наметить перспективные направления дальнейших исследований как либерального движения в целом, так и творчества его крупнейших мыслителей, поставить задачу создания полной и надежной научной биографии выдающихся его деятелей, без которой невозможно преодоление аксиологического подхода и субъективных трактовок их теоретического наследия.

Следует отметить и то, что существование широкого разброса мнений, отсутствие однозначных суждений о либерализме создают благоприятные условия для дальнейших исследований, являются питательной почвой для новых размышлений. Дискуссионность историографических выводов служит гарантом сохранения научного интереса к феномену русского либерализма.

4. Благодарности

Статья подготовлена при поддержке Программы «РУДН 5-100».

Литература

- Арсланов, 2000 – Арсланов Р.А. К.Д. Кавелин: человек и мыслитель. М., 2000.
- Арсланов, 2000 – Арсланов Р.А. К.Д. Кавелин и становление национальной либеральной традиции в России. Дис. ... докт. ист. наук. М., 2000.
- Арсланов, 2012 – Арсланов Р.А. А.И. Герцен и К.Д. Кавелин в общественной жизни России 40–60-х гг. XIX в. // *История: электронный научно-образовательный журнал* № 6(14) 2012 []. URL <http://mes.igh.ru/magazine/content.php?magazine=5153>
- Гросул, 2003 – Гросул В.Я. Русское общество XVIII–XIX веков. Традиции и новации. М., 2003.
- Гросул, 2017 – Гросул В.Я. Общественное движение в России первой половины XIX века. М., 2017.
- Гуторов, 2016 – Гуторов В.А. Российский либерализм как исторический и политический феномен: от утопии к реальности // *Русская либеральная традиция глазами сторонников и противников: Антология* / Сост., вступ. статья, коммент. В.А. Гуторова, сост., послесловие Р.В. Светлова. СПб., 2016.
- Долбилов, 1996 – Долбилов М.Д. Подготовка отмены крепостного права в редакционных комиссиях 1859–1860 гг. Проблема субъекта реформы. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1996.
- Захарова, 1989 – Захарова Л.Г. Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х гг. XIX в. в России // *Вопросы истории*. 1989. № 10.
- Захарова, 1999 – Захарова Л.Г. Начало великих реформ // Милютин Д.А. Воспоминания. 1860–1862. М., 1999.
- Искра, 1996 – Искра Л.М. Политические и исторические взгляды Б.Н. Чичерина. Дис. ... докт. ист. наук. Воронеж, 1996.
- Калашников, 2001 – Калашников М.В. Понятие «либерализм» в политическом дискурсе русского общественного сознания первой трети XIX в. (Опыт историко-семантического анализа) / М.В. Калашников // *Освободительное движение в России: Межвуз. сб. науч. тр.* / Под ред. Н.А. Троицкого. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2001. Вып. 19.
- Китаев, 1972 – Китаев В.А. От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX века. М., 1972.
- Китаев, 1996 – Китаев В.А. К.Д. Кавелин: между славянофильством и западничеством // *В раздумьях о России*. М., 1996.
- Китаев, 2004 – Китаев В.А. Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). Саратов, 2004.

- Китаев, 2008** – *Китаев В.А.* Об особенностях либерализма «Вестника Европы» (1870–1880-е годы) // XIX век: Пути русской мысли: Научные труды. Нижний Новгород, 2008. С. 248–275.
- Китаев, 2017** – *Китаев В.А.* Рецензия: Либерализм: pro et contra. Русская либеральная традиция глазами сторонников и противников: Антология // *Историческая экспертиза*. 2017, № 3. С.169–176.
- Кочукова, 2001** – *Кочукова О.В. К.Д. Кавелин в освободительном движении России (50–80-е гг. XIX в.)*. Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2001.
- Либерализм: pro et contra, 2016** – Либерализм: pro et contra. Русская либеральная традиция глазами сторонников и противников: Антология / Сост., вступ. статья, коммент. В.А. Гуторова, сост., послесловие Р.В. Светлова. СПб., 2016.
- Медушевский, 2005** – *Медушевский А.Н.* Проекты аграрных реформ в России XVIII – начало XXI века. М., 2005.
- Михайлова, 1998** – *Михайлова Н.В.* Зарождение либерализма в России. Учебное пособие. Челябинск, 1998.
- Нарежный, 1999** – *Нарежный А.И.* Проблема государственного устройства России в консервативно-либеральной мысли второй половины XIX в. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1999.
- Новикова, Сиземская, 1993** – *Новикова Л., Сиземская И.* Либеральные традиции в культурно-историческом опыте России // *Свободная мысль*. 1993. № 15.
- Олейников, 1996** – *Олейников Д.И.* Классическое российское западничество. М., 1996.
- Пустарнаков, 2002** – *Пустарнаков В.Ф.* Либерализм в России. Казань, 2002.
- Репинецкий, 2010** – *Репинецкий С.А.* Формирование идеологии российского либерализма в ходе обсуждения крестьянского вопроса публицистикой 1856–1860 годов. Москва–Самара, 2010.
- Репинецкий, 2011** – *Репинецкий С.А.* Англоязычная историография российского либерализма середины XIX века // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. Т. 13. № 3(2), 2011. С. 516–519.
- Розенталь, 1963** – *Розенталь В.Н.* Русский либерализм накануне реформы 1861 г. (1855–1857 гг.). Дис. ... докт. ист. наук. Л., 1963.
- Русское общество 40–50-х гг. XIX в., 1991** – Русское общество 40–50-х гг. XIX в. Ч. II. Воспоминания Б.Н. Чичерина. М., 1991.
- Секиринский, 1999** – *Секиринский С.С.* Русский либерализм: от 40-х к 80-м годам XIX века (идеи, люди, среда). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1999.
- Секиринский, 2011** – *Секиринский С.С.* «Направленчество» или «внепартийность»: два подхода к изучению русской общественной мысли // *Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления*. Материалы Международной научной конференции. М., 2011.
- Шелохаев, 1998** – *Шелохаев В.В.* Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // *Вопросы истории*. 1998. № 4. С. 26–40.
- Шелохаев, 2007** – *Шелохаев В.В.* Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // *Вопросы истории*. 2007. № 5. С. 3–16.
- Шелохаев, 2011** – *Шелохаев В.В.* Общественная мысль России как историографическая и теоретико-методологическая проблема // *Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления*. Материалы Международной научной конференции. М., 2011.
- Шелохаев, 2013** – *Шелохаев В.В.* К проблеме генезиса и периодизации русского либерализма (Заметки на полях монографии К.И. Шнейдера «Между свободой и самодержавием: История раннего либерализма»). Пермь, 2012) / Конституция 1993 года и российский либерализм: к 20-летию российской Конституции. Пятое «Муромцевские чтения» / Сборник научных статей. Орел, 2013. С. 7–29.
- Шнейдер, 2010** – *Шнейдер К.И.* Ранний русский либерализм в отечественной и зарубежной историографии // *Российская история*. 2010. № 4. С. 177–186.
- Шнейдер, 2012** – *Шнейдер К.И.* Между свободой и самодержавием: история раннего русского либерализма. Пермь, 2012.
- Шнейдер, 2016** – *Шнейдер К.И.* Ранний русский либерализм в отечественной интеллектуальной традиции: опыт обобщения // *Вестник Пермского университета. История*. 2016. Выпуск 3 (34). С. 52–57.
- Эймонтова, 1998** – *Эймонтова Р.Г.* Идеи просвещения в обновляющейся России в 50–60-е годы XIX в. М., 1998.

References

- Arslanov, 2000** – *Arslanov R.A.* (2000). K.D. Kavelin: chelovek i myslitel'. [K.D. Kavelin: the man and the thinker] Moscow. [in Russian]
- Arslanov, 2000** – *Arslanov R.A.* (2000). K.D. Kavelin i stanovlenie natsional'noi liberal'noi traditsii v Rossii. Dis. ... dok. ist. nauk. [K.D. Kavelin and the formation of the national liberal tradition in Russia] Moscow. [in Russian]
- Arslanov, 2012** – *Arslanov R.A.* (2012). A.I. Gertsen i K.D. Kavelin v obshchestvennoi zhizni Rossii 40-60 gg. XIX v. [A.I. Herzen and K. D. Kavelin in Russian public life 40-60-ies of the XIX century].

- Istoriya: elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal*, № 6(14). [in Russian]. [Electronic resource]. URL: <http://mes.igh.ru/magazine/content.php?magazine=5153>
- Grosul, 2003** – Grosul V.Ya. (2003). Russkoe obshchestvo XVIII – XIX vekov. Traditsii i novatsii [Russian society of XVIII-XIX centuries. Traditions and innovations.]. Moscow. [in Russian]
- Grosul, 2017** – Grosul V.Ya. (2017). Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii pervoj poloviny XIX veka. [Social movement in Russia in the first half of the XIX century]. Moscow. [in Russian]
- Gutorov, 2016** – Gutorov V.A. (2016). Rossiiskii liberalizm kak istoricheskii i politicheskii fenomen: ot utopii k real'nosti [Russian liberalism as a historical and political phenomenon: from utopia to reality]. Liberalizm: pro et contra. Russkaya liberal'naya traditsiya glazami storonnikov i protivnikov: antologiya / sost., vstup. stat'ya, komment. V.A. Gutorova, sost., posleslovie R.V. Svetlova. Saint-Petersburg. [in Russian]
- Dolbilov, 1996** – Dolbilov M.D. (1996). Podgotovka otmeny krepostnogo prava v redaktsionnykh komissiyakh 1859 – 1860 gg. Problema sub`ekta reformy. [Preparation of the abolition of serfdom in the editorial commissions of 1859-1860. The problem of the subject of reform]. Dis. ... kand. ist. nauk. Voronezh [in Russian]
- Zaharova, 1989** – Zaharova L.G. (1989). Samoderzhavie, byurokriatyi, reformi 60-h-gg XIX v. v Rossii [Autocracy, bureaucracy and reforms of the 60s of XIX century in Russia]. *Voprosi istorii*, № 10. Moscow. [in Russian]
- Zaharova, 1999** – Zaharova L.G. (1999). Nachalo velikih reform. Milyutin D.A. Vospominaniya. 1860-1862. [The beginning of the great reforms. Milyutin D. Memories. 1860-1862]. Moscow. [in Russian]
- Iskra, 1996** – Iskra L.M. (1966). Politicheskie i istoricheskie vzglyady B.N. Chicherina. [Chicherin`s political and historical views]. Dis. dok. ist. nauk. Voronezh. [in Russian]
- Kalashnikov, 2001** – Kalashnikov M.V. (2001). Ponyatie «liberalizm» v politicheskom diskurse russkogo obshchestvennogo soznaniya pervoi treti XIX v. (Opyt istoriko-semanticheskogo analiza). [The concept of "liberalism" in the political discourse of Russian public consciousness of the first third of the XIX century (Experience of historical and semantic analysis)]. *Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: Mezhvuz. sb. nauch. tr. Pod red. N.A. Troitskogo*. Saratov. [in Russian]
- Kitaev, 1972** – Kitaev V.A. (1972). Ot frondy k okhranitel'stvu. Iz istorii russkoi liberal'noi mysli 50 – 60-kh godov XIX veka [From opposition to conservatism. From the history of Russian liberal thought 50 – 60-ies of the XIX century]. Moscow. [in Russian]
- Kitaev, 1996** – Kitaev V.A. (1996). K.D. Kavelin: mezhdru slavyanofilstvom i zapadnichestvom [K.D. Kavelin: between Slavophilism and Westernism]. V razdumyah o Rossii. Moscow. [in Russian]
- Kitaev, 2004** – Kitaev V.A. (2004). Liberal'naya mysl' v Rossii (1860-1880 gg.) [Liberal thought in Russia (1860 – 1880)]. Saratov. [in Russian]
- Kitaev, 2008** – Kitaev V.A. (2008). Ob osobennostyakh liberalizma «Vestnika Evropy» (1870-1880-e gody) [On the features of liberalism of the "Bulletin of Europe" (1870-1880-ies)]. *XIX vek: Puti russkoi mysli: Nauchnye trudy*. Nizhnii Novgorod. pp. 248-275. [in Russian]
- Kitaev, 2017** – Kitaev V.A. (2017). Recenziya: Liberalizm: pro et contra. Russkaya liberal'naya traditsiya glazami storonnikov i protivnikov: antologiya [Review. Liberalism: pro et contra. Russian liberal tradition through the eyes of supporters and opponents: anthology]. *Istoricheskaya ehkspertiza*. №3. pp. 169-176.
- Kochukova, 2001** – Kochukova O.V. (2001). K.D. Kavelin v obshchestvennom dvizhenii Rossii, 50-80-e gg. XIX veka. [K.D. Kavelin in the liberation movement of Russia (50-80-ies of the XIX century)]. Dissertatsiya na soiskanie kand. ist. nauk. Saratov. [in Russian]
- Liberalizm: pro et contra, 2016** – Liberalizm: pro et contra. Russkaya liberal'naya traditsiya glazami storonnikov i protivnikov [Liberalism: pro et contra. Russian liberal tradition through the eyes of supporters and opponents]: antologiya. Sost., vstup. stat'ya, komment. V.A. Gutorova, sost., posleslovie R.V. Svetlova. Saint-Peterbourg. [in Russian]
- Medushevsky, 2005** – Medushevskii A.N. (2005). Proekty agrarnykh reform v Rossii XVIII – nachalo XXI veka. [Projects of agrarian reforms in Russia in XVIII – early XXI century]. Moscow. [in Russian]
- Mikhailova, 1998** – Mikhailova N.I. (1998). Zarozhdenie liberalizma v Rossii. Uchebnoe posobie. [The birth of liberalism in Russia. Textbook]. Chelyabinsk. [in Russian]
- Narezhnyi, 1999** – Narezhnyi A.I. (1999). Problema gosudarstvennogo ustroystva Rossii v konservativno-liberal'noi mysli vtoroi poloviny XIX v. [The problem of state structure of Russia in the conservative-liberal thought of the second half of the XIX century]. Avtoref. dis. dokt. ist. nauk. Rostov – na – Donu. [in Russian]
- Novikova, Sizemskaya, 1993** – Novikova L., Sizemskaya I. (1993). Liberal'nye traditsii v kul'turno-istoricheskom opyte Rossii [Liberal traditions in the cultural and historical experience of Russia]. *Svobodnaya mysl'*. № 15. [in Russian]
- Oleinikov, 1996** – Oleinikov D.I. (1996). Klassicheskoe rossiiskoe zapadnichestvo. [Classical Russian Westernism]. Moscow. [in Russian]
- Pustarnakov, 2002** – Pustarnakov V.F. (2002). Liberalizm v Rossii. [Liberalism in Russia]. Kazan. [in Russian]
- Repinetskii, 2010** – Repinetskii S.A. (2010). Formirovanie ideologii rossiiskogo liberalizma v khode obsuzhdeniya krest'yanskogo voprosa publitsistikoi 1856 – 1860 godov [Formation of the ideology of Russian

liberalism during the discussion of the peasant question by journalism in 1856-1860]. Moscow – Samara. [in Russian]

Repinetskii, 2011 – *Repinetskii S.A.* (2011). Angloyazychnaya istoriografiya rossiiskogo liberalizma serediny XIX veka [English historiography of Russian liberalism of the mid-XIX century]. *Izvestiya Samarского nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*, V. 13, №3(2). [in Russian]

Rozental', 1963 – *Rozental' V.N.* (1963). Russkii liberalizm nakanune reformy 1861 g. (1855-1857 gg.) [Russian liberalism on the eve of the reform of 1861 (1855-1857)]. Dis. ... dok. ist. nauk. Leningrad. [in Russian]

Russkoe obshchestvo 40-50-kh gg. XIX v., 1991 – Russkoe obshchestvo 40-50-kh gg. XIX v. Ch. II. Vospominaniya B.N. Chicherina [Russian society of 40-50-ies of the XIX century Part II. Memoirs of B.N. Chicherin]. Moscow. [in Russian]

Sekirinski, 1999 – *Sekirinskii S.S.* (1999). Russkii liberalizm: ot 40-kh k 80-m godam XIX veka (idei, lyudi, sreda). [Russian liberalism: from the 40's to the 80-th years of the NINETEENTH century (ideas, people, environment)]. Avtoref. ... dok. ist. nauk. Moscow. [in Russian]

Sekirinski, 2011 – *Sekirinskii S.S.* (2011). «Napravlenchestvo» ili «vnepartiinnost'»: dva podkhoda k izucheniyu russkoi obshchestvennoi mysli ["Directionality " or "non-partisanship": two approaches to the study of Russian social thought]. *Obshchestvennaya mys' Rossii: istoki, evolyutsiya, osnovnye napravleniya. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Moscow. [in Russian]

Shekhovhaev, 1998 – *Shekhovhaev V.V.* (1998). Russkii liberalizm kak istoriograficheskaya i istoriosofskaya problema [Russian liberalism as a historiographical and historiosophical problem]. *Voprosy istorii*. № 4. pp. 26-40. [in Russian]

Shekhovhaev, 2007 – *Shekhovhaev V.V.* (2007). Diskussionnye problemy istorii russkogo liberalizma v noveishei otechestvennoi literature [Discussion problems of the history of Russian liberalism in the modern Russian literature]. *Voprosy istorii*. 2007. № 5. pp. 3-16. [in Russian]

Shelokhaev, 2013 – *Shelokhaev V.V.* (2013). K probleme genезisa i periodizatsii russkogo liberalizma (Zametki na polyakh monografii K.I. Shneidera «Mezhdu svobodoi i samoderzhaviem: Istoriya rannego liberalizma». Perm', 2012) [On the problem of Genesis and periodization of Russian liberalism (notes on the margins of K. I. Schneider's monograph "between freedom and autocracy: the History of early liberalism". Perm, 2012)]/ Konstitutsiya 1993 goda i rossiiskii liberalizm: k 20-letiyu rossiiskoi Konstitutsii. Pyatye «Muromtsevskie chteniya» / Sbornik nauchnykh statei. Orel. P.7-29. [in Russian].

Shelokhaev, 2011 – *Shelokhaev V.V.* (2011). Obshchestvennaya mys' Rossii kak istoriograficheskaya i teoretiko-metodologicheskaya problema [Social thought of Russia as a historiographical and theoretical-methodological problem]. *Social thought of Russia: origins, evolution, main directions. Proceedings of the international scientific conference*. Moscow. [in Russian]

Shneider, 2012 – *Shneider K.I.* (2012). Mezhdu svobodoi i samoderzhaviem: istoriya rannego russkogo liberalizma [Between freedom and autocracy: the history of early Russian liberalism]. Perm'. [in Russian]

Shneider, 2010 – *Shneider K.I.* (2010). Rannii russkii liberalizm v otechestvennoi i zarubezhnoi istoriografii [Early Russian liberalism in Russian and foreign historiography]. *Rossiiskaya istoriya*. №4. pp. 177-186. [in Russian]

Shneider, 2016 – *Shneider K.I.* (2016). Rannii russkii liberalizm v otechestvennoi intellektual'noi traditsii: opyt obobshcheniya [Early Russian liberalism in Russian intellectual tradition: experience of generalization]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. Vypusk 3 (34). pp. 52-57. [in Russian]

Eimontova, 1993 – *Eimontova R.G.* (1993). Idei prosveshcheniya v obnovlyayushcheysya Rossii v 50 – 60-e gody XIX v. [The idea of education in the renewing Russia in the 50-60s of the XIX century]. Moscow. [in Russian]

Отражение процесса изучения русского либерализма XIX в. в современных исследованиях (аналитический обзор историографии русского либерализма)

Рафаэль Амирович Арсланов ^{a, *}, Елена Валентиновна Линькова ^a, Евгений Алексеевич Соловьев ^a

^a Российский Университет Дружбы Народов, Российская Федерация

Аннотация. В аналитическом обзоре рассматривается современная отечественная литература, посвященная истории русского либерализма 1840–1880-х гг., и прежде всего его теоретику Константину Дмитриевичу Кавелину. Приуроченный к 200-летию юбилею мыслителя, обзор охватывает такие проблемы историографии, как генезис и типологизация русского либерализма, его размежевание и особенности основных течений. Авторы выявляют динамику развития историографического процесса, специально останавливаются на дискуссионных проблемах,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ars_raf@mail.ru (П.А. Арсланов), e.v.linkova@yandex.ru (Е.В. Линькова), soloviev_evgeniy@mail.ru (Е.А. Соловьев)

различные интерпретации которых привели к складыванию отдельных историографических направлений. Обращается внимание и на актуальность темы, связанной, с одной стороны, с использованием современных методологических подходов к изучению либерализма, а с другой – с размышлениями о его перспективах в России XXI в., остротой и востребованностью некоторых теоретических положений программы либералов прошлого.

Подчеркивается, что исследование воззрений и личности К.Д. Кавелина (1818–1885) открывает новые возможности для осмысления истории русского либерализма в целом. В обзоре анализируются и классифицируются основные современные интерпретации теоретического наследия и деятельности либерала, выявляется вклад отдельных ученых в освещение его многогранного творчества, в определение роли в общественном движении страны. Подводятся итоги изысканий, намечаются перспективы дальнейших разработок темы.

Ключевые слова: К.Д. Кавелин, либерализм, историография, западничество, модернизация, национально-просветительский либерализм, реформа.